

ОТ «МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ЭССЕНЦИАЛИЗМА»
К ТОТАЛИТАРИЗМУ: НЕОКОНЧЕННЫЙ СПОР
КАРЛА ПОППЕРА С ПЛАТОНОМ

ПРИРОДА НАУЧНОГО МЕТОДА¹

© 2020 г. В. Н. Жуков

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Поступила в редакцию 23.09.2020 г.

Аннотация. В статье рассматривается эпистемология К. Поппера, напрямую связанная с его политическими взглядами. Анализируется отношение Поппера к метафизике в контексте его теории фальсификации научного знания. Раскрывается позиция Поппера на существо научного метода.

Ключевые слова: эпистемология, юридическая наука, философия права, Поппер, метафизика, Кант, социология.

Цитирование: Жуков В.Н. От «методологического эссенциализма» к тоталитаризму: неоконченный спор Карла Поппера с Платоном // Государство и право. 2020. № 10. С. 36–44.

DOI: 10.31857/S102694520012229-2

FROM “METHODOLOGICAL ESSENTIALISM”
TO TOTALITARIANISM:
UNFINISHED DISPUTE KARL POPPER WITH PLATON
NATURE OF THE SCIENTIFIC METHOD

© 2020 V. N. Zhukov

Lomonosov Moscow state University

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Received 23.09.2020

Abstract. The article discusses the epistemology of K. Popper, directly related to his political views. The article analyzes Popper's attitude to metaphysics in the context of his theory of falsification of scientific knowledge. Popper's position on the essence of the scientific method is revealed.

Key words: epistemology, legal science, Philosophy of Law, Popper, metaphysics, Kant, sociology.

¹ Данная статья является первой в цикле публикаций, посвященных творчеству К. Поппера, взаимосвязи его эпистемологии и политических взглядов.

For citation: Zhukov, V.N. (2020). From “methodological essentialism” to totalitarianism: unfinished dispute Karl Popper with Platon
Nature of the scientific method // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 36–44.

Карл Раймунд Поппер (1902–1994) – выдающийся философ науки, оказавший значительное влияние на эпистемологию XX столетия. Он родился в Вене в семье профессора права. В Венском университете изучал математику, физику, историю музыки. Увлекался марксизмом и психоанализом. По окончании университета, получив диплом учителя математики и физики, работал в школе. В 1937 г., опасаясь преследования со стороны нацистов из-за своего еврейского происхождения, переехал в Новую Зеландию, где преподавал философию в университете Кентербери. С 1945 г. – британский подданный, с 1946 г. – профессор Лондонской школы экономики и политических наук. Творчество Поппера развивалось главным образом в рамках позитивизма и неопозитивизма, он шел к философии от математики и естествознания, опираясь на гносеологию Канта. В этом смысле Поппер – одновременно типичный позитивист и неокантианец, ставивший и парадоксальным образом решавший философские проблемы науки. Неокантианство и позитивизм – не антагонисты, а тесно связанные направления. Позитивизм О. Конта, Г. Спенсера и Дж. Ст. Милля был нацелен на преодоление метафизики, не способной, с их точки зрения, на основе современного естествознания давать адекватную смысловую модель мира, и создание универсальной науки, органично совмещающей в себе философские обобщения и данные эмпирических наук (естественных и социальных). Неокантианство также возникает из стремления преодолеть разрыв между метафизикой и естествознанием. Если в «первом» позитивизме есть некое равновесие между содержательными проблемами, заданными различными науками, и методологией, то для неопозитивизма центральная тема – эпистемология. Влиятельной разновидностью неопозитивизма стал логический позитивизм, который в 20–30-е годы проявил себя в деятельности Венского кружка (Р. Карнап, Ф. Вайсман, Г. Фейгль, О. Нейрат и др.). Поппер поначалу был к нему близок, но сразу же заявил о своей особой позиции, которую и развивал всю свою жизнь. Роль Поппера в философии науки определяется как минимум двумя обстоятельствами. Во-первых, он мог, как никто другой, вскрывать проблему там, где ее никто не видел. Обращаясь к классикам философии и науки, ему удавалось показать противоречия и парадоксы познания там, где давно сформировалась традиция, которая, казалось бы, все объясняла непротиворечивым образом. Нужен был парадоксальный ум Поппера, чтобы увидеть за всеми принятой позицией, вроде бы многократно доказанной, первозданный хаос идей, который требовал новой, более глубокой интерпретации. Во-вторых,

в отличие от своих коллег по эпистемологии Поппер способен был показать всю цепочку этапов и звеньев от первичных методологических и теоретических установок до политических и социологических идей, философско-исторических конструкций и социальных утопий. Конечно, Поппер был пристрастен в своих политических взглядах (пропагандировал либерализм и гуманизм, отвергал насилие и тоталитаризм), что снижало объективность его социологического анализа. Вместе с тем ему удалось четко, ясно и глубоко показать возможные подходы, позволяющие установить связь между гносеологией и философией политики и права. В этом – непреходящая ценность творчества Поппера.

Демаркация науки и метафизики

Л. Витгенштейн и Р. Карнап сформулировали базовый для логического позитивизма тезис: если теорию невозможно доказать, она представляет собой бессмыслицу. На этом основании к «бессмыслице» была отнесена вся неопозитивистская философия, прежде всего идеалистическая и религиозная метафизика. В данном случае продолжалась линия «первого» позитивизма на борьбу с метафизикой, изгнание ее из естествознания и обществоведения и создание «подлинно научной» методологии. Набиравший огромное влияние с начала XX в. сциентизм проявил себя и в логическом позитивизме: поскольку наука предстает исключительно в виде знаково-символических средств, научная методология не должна выходить за рамки анализа языка науки. В качестве главного научного метода выдвигалась идея верификации (верифицируемости) (от лат. *verificatio* – доказательство, подтверждение): истинность научных утверждений должна подтверждаться эмпирическими данными «чистого опыта», фиксируемых логическими средствами языка науки. Иными словами, наука ограничивалась сферой эмпирики, опыта, систематизируемого на основе индукции. Уже в 20-е годы Поппер отверг такое понимание науки, выдвинув собственную теорию фальсификации: теория является научной только в том случае, если ее (в целом или в части) можно опровергнуть (проверить). Центральная идея данного подхода – отказ от индуктивизма, признание приоритета научной теории (научной гипотезы) перед опытом. В конечном счете речь шла о том, чтобы восстановить в правах теоретическое, внеопытное знание, без которого, согласно Попперу, наука невозможна. Фактически Поппер выступил за реабилитацию умозрительной философии (метафизики), считая ее необходимым средством добывания научного

знания. Отсюда — главный вектор и точка отсчета его творчества: проведение демаркации между наукой и метафизикой, определение роли метафизики в формировании научного знания.

Проблема соотношения науки и философии, социальной науки и естествознания была поставлена в античности, подготовлена эпохой Просвещения и зазвучала в полную силу в XIX — первой половине XX в. Данная проблема достигает своего пика в той части обществоведения, которая претендует на открытие социальных закономерностей и построение социальных идеалов. Тоталитарные режимы XX в. стали дополнительным стимулом для многих интеллектуалов, в т.ч. для Поппера, пересмотреть сциентистские установки философии и социальной науки. Огромное число авторов от Платона до К. Маркса, М. Вебера, Г. Зиммеля и К. Манхейма ставили перед собой цель познать общество, его структуру и законы развития. Недостаток знания, как правило, восполнялся метафизикой, что часто вело к мистификации социальной науки. В XIX в. появляется социология, заявившая о себе как о подлинной науке, способной синтезировать естественнонаучное и обществоведческое знание и максимально приблизиться по точности к математике, естественным и техническим наукам. Во второй половине XIX — первой трети XX в. в социологии было три господствующих направления: позитивизм, неокантианство, марксизм. Позитивисты провозгласили полный отказ от умозрительной философии (метафизики), поскольку она, с их точки зрения, мистифицировала науку. Неокантианцы пошли по пути модернизации метафизики, включение ее в том или ином виде в обществоведение (к ним принадлежал Поппер). Маркс и Энгельс заявили о создании «научной философии», под которой понимали якобы очищенную от идеализма гегелевскую логику. Фактически речь шла о новой метафизике, поскольку т.н. диалектический материализм точно так же, как и идеализм, строился на априорных, принципиально не доказуемых положениях, требующих веры. Сам термин «метафизика» был дискредитирован и стал маркером всякого рода идеализма. На самом деле метафизика была реабилитирована, модернизирована и включена в экономическую и политическую доктрину марксизма. Материалистическая диалектика, материалистическое понимание истории, концепция классовой борьбы и построения коммунизма — все это подавалось как единство теории и практики, философии и жизни. Иными словами, марксизм не только не отказался от метафизики, но сделал ее своей основой. В интерпретации Ленина марксизм приобретает статус партийной философии и теории рабочего класса. Это означало, что критерием научности стала приверженность делу борьбы рабочего класса: автор тем

более приближался к истине, чем сильнее проявлял убежденность в неизбежной гибели капитализма и переходе к коммунизму. В данном случае метафизика перерастала в идеологию и объявлялась «научной философией». Любые сомнения в победе социалистической революции должны были трактоваться как уклонение от истины, от научности. Примерно такой же подход был взят на вооружение итальянским фашизмом и германским национал-социализмом.

Следует подчеркнуть, что марксизм (особенно в советском его варианте), фашизм и национал-социализм — только крайние проявления включенности метафизики в социальную науку. Обществоведение любых эпох и народов всегда с необходимостью содержит в себе метафизику, обычно очень быстро приобретающую форму политической идеологии. Яркий пример такой метаморфозы — концепции естественных прав, договорного государства и выстроенных на их основе теории либеральной демократии и правового государства. Буржуазия, отстаивая свой экономический интерес и борясь за власть, нуждалась в соответствующей идеологии, которая и была создана политической философией просветителей. Г. Гроций, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант философски обосновали модель нового буржуазного государства. Неподготовленный читатель вполне мог подумать, что в их сочинениях представлены крупные научные открытия, касающиеся организации политической жизни (верховенство парламента и закона, разделение властей, система сдержек и противовесов и т.п.), тогда как на самом деле имела место трансформация рационалистической философии в политическую идеологию, метафизика воплотилась в социальную утопию. Демократические механизмы были порождены самой жизнью, либеральная демократия стала новым способом управления массами в условиях буржуазной культуры. Политическая мифология (метафизика) отчасти зафиксировала данное положение дел, отчасти продолжала оставаться недостижимым идеалом. Между практикой буржуазного государства и либеральной идеологией существовал и продолжает существовать заметный разрыв.

Классики логического позитивизма, разрабатывая, казалось бы, специальную тему о границах науки, имели в виду, конечно, и более широкую проблему деидеологизации общественной науки. Косвенно это выразилось в отрицании метафизики, а вместе с ней — всего обществоведения, в той или иной мере связанного с метафизикой. После Второй мировой войны тема деидеологизации социальных наук становится одной из центральных. Важнейшим стимулом здесь была «холодная война», стремление стран Запада подорвать могущество стран «реального социализма». Создавались бесчисленные советологические центры,

призванные развенчать марксизм и его разновидности (прежде всего в форме советского марксизма). Борьба с идеологией тоталитарных режимов требовала пересмотра связи философии и социальной науки. Поппер выступил одним из главных борцов этого идеологического фронта, выпустив свою знаменитую книгу «Открытое общество и его враги» (1945 г.). Его позиция изначально, еще с 20-х годов, была двойственной: с одной стороны, он выступал за поиски подлинной научности, в т.ч. в социальной науке, за освобождение ее от иррационализма, с другой — признавал неизбежность и необходимость метафизики в деле научного познания. Притом что Поппер своим творчеством только еще раз подтвердил тезис о невозможности разделить науку и метафизику, социальную науку и идеологию (за что выступали марксисты), он много сделал для понимания их взаимодействия.

Философская позиция Поппера (как он сам ее формулирует) — индетерминизм, реализм, рационализм. Критерием научного статуса теории, с его точки зрения, является ее фальсифицируемость (опровержимость, проверяемость). Если теория успешно противостоит попыткам опровержения, можно утверждать, что она подтверждается, подкрепляется опытом. Благодаря методу предположений и опровержений подлинная наука получает все более приспособленные теории посредством устранения менее приспособленных. Непроверяемые теории не представляют интереса для ученого, их можно назвать метафизическими. Метафизика не означает бессмысленности, она означает непроверяемость. Авторы ненаучных теорий могут намеренно разрушать проверяемость своих теорий. Так, не подвергается проверке астрология, не обращающая внимание на неблагоприятные для нее примеры. Она делает свои интерпретации и пророчества неопределенными, чтобы ими можно было объяснить все, в т.ч. факты, способные опровергнуть их теорию. Марксистская трактовка истории — также из разряда метафизических (т.е. непроверяемых), т.к. выносит свои предсказания в неопределенно далекое будущее.

Несмотря на то что метафизика относится к разряду непроверяемых теорий, утверждает Поппер, демаркационную линию между наукой и метафизикой нельзя проводить слишком жестко, поскольку большинство научных теорий имели своим источником миф. Чтобы доказать выдвинутый тезис, он обращается к трансцендентальной гносеологии Канта, которая, по его убеждению, вырастает из проблем естествознания. Кант осознал, полагает Поппер, что история науки опровергает экзонианский миф о том, будто наука начинается с наблюдений, а затем выводит из них свои теории. Логически невозможно вывести теорию из наблюдений, поэтому такая процедура никогда в истории не встречалась. Физические эксперименты,

согласно Попперу, столько же мало предшествуют теории, как и астрономические наблюдения. Они представляют собой вопросы, которые человек задает природе с помощью теорий. Так, идея Коперника поместить в центр универсума Солнце, а не Землю, была не результатом новых наблюдений, а новой интерпретацией старых и хорошо известных фактов в свете полурелигиозных платонических и неоплатонических идей (например, в «Государстве» Платона: в мире воспринимаемых вещей Солнце играет ту же роль, которую играет идея блага в мире идей). Последовательность возникновения коперниковской теории такова: сначала появилась идея (в виде мифа), затем стали собираться результаты наблюдений. Для подкрепления своей мысли Поппер цитирует Канта: «Ясность для всех естествоиспытателей возникла тогда, когда Галилей стал скатывать с наклонной плоскости шары с им самим избранной тяжестью, когда Торричелли заставил воздух поддерживать вес, который, как он заранее предвидел, был равен весу известного ему столба воды... Естествоиспытатели поняли, что разум видит только то, что сам создает по собственному плану, что он с принципами своих суждений должен идти впереди согласно постоянным законам заставлять природу отвечать на его вопросы, а не тащиться у нее словно на поводу, так как в противном случае наблюдения, произведенные случайно, без заранее составленного плана, не будут связаны необходимым законом, между тем как разум ищет такой закон и нуждается в нем»². «Наш разум, — подчеркивает Кант, — не выводит закона из природы, а пытается — с разной степенью успешности — налагать на природу законы, которые он свободно изобретает»³. Поппер считает данный тезис выдающимся открытием, но отвергает положение Канта, что эти законы необходимо истинны или что мы всегда добиваемся успеха, налагая их на природу. На самом деле, утверждает Поппер, законы, данные разумом (иначе говоря, теория), могут быть ошибочны, их следует проверять, подвергать методу фальсификации. Наука, делает он вывод, должна начинать с критики мифов, а не с совокупности наблюдений и не с придумывания тех или иных экспериментов. Вера в то, что мы можем начать научное исследование с одних чистых наблюдений, не имея чего-то похожего на теорию, является абсурдной. «Логический анализ показывает, что опыт не сводится к механическому накоплению наблюдений. Опыт креативен. Он является результатом свободных, смелых

² Поппер К.Р. Предположения и опровержения. Рост научного знания. М., 2008. С. 317.

³ Там же. С. 321.

и творческих интерпретаций, контролируемых суrowой критикой и строгими проверками»⁴.

Каждая рациональная теория (научная или философская), по Попперу, рациональна в той мере, в какой пытается решать определенные проблемы. «Теория понятна и разумна лишь в отношении к конкретной проблемной ситуации, и ее можно обсуждать, только обсуждая это отношение»⁵. Предмет или разновидности вещей не создают основы для различения дисциплин. «Мы исследуем не предметы, а проблемы. Проблемы же способны пересекать границы любых дисциплин и их предметов»⁶. Данные требования относятся и к философии (метафизике). Любая философская школа вырождается, когда отрывается от реальных проблем. «Подлинно философские проблемы всегда вырастают из проблем, возникающих вне философии, и они умирают, если эта связь прерывается»⁷. В философии важны не методы, а чуткость к проблемам. Тексты классиков философии без специальной подготовки могут показаться набором бессмысленных слов и выражений. Только история математики и науки может объяснить, как появлялись философские проблемы, а они появлялись при обсуждении проблем науки и математики. Так, теория идей Платона возникла в результате открытия иррациональности квадратного корня из двух, а в более общем плане — из утверждения, что число является умопостигаемой сущностью всех вещей. Философ, заключает Поппер, должен философствовать, а не говорить о философии.

Социальная природа научного метода

Для Поппера все разновидности наук (естественные, технические (прикладные), социальные) объединяются единственно важным, с его точки зрения, критерием — научным методом, который определяется им как метод фальсификации: «Метод науки состоит в том, чтобы обнаружить факты, которые могут опровергнуть теории»⁸. Отбор фактов происходит на основе научной гипотезы, которая «подобно прожектору» высвечивает имеющиеся отношения к изучаемой проблеме. Хотя факты и подбираются под углом зрения некоей исходной рабочей теории, они должны быть нацелены в т.ч. и на опровержение данной теории. В случае, если факты теорию не опровергают, она подтверждается. Избежать отбора фактов не только невозможно, но и не следует к этому стремиться, в противном

случае перед исследователем окажется конгломерат никак не связанных между собой фактов. В зависимости от целей научного исследования науки делятся на теоретические (физика, биология, социология и т.д.) и прикладные (например, технические). Теоретические науки проверяют истинность универсальных законов, прикладные науки предназначены для предсказания конкретных событий. Теоретические и прикладные науки взаимосвязаны, поскольку по разным параметрам и в разных аспектах проверяют друг друга.

Как было отмечено выше, Поппер заметно ослабил сциентизм неопозитивизма (логического позитивизма), объявив метафизику необходимым условием получения научного знания. Данную посылку он развивает в концепции «научной объективности» («объективности научного метода»). Научный метод, утверждает Поппер, делает объективным социальная среда, где совершаются научные открытия. «Объективность тесно связана с социальными аспектами научного метода, с тем фактом, что наука и научная объективность не есть (и не может быть) результатом попыток отдельного ученого стать «объективным». Она есть результат дружески враждебного сотрудничества многих ученых. Поэтому научная объективность может быть определена как интерсубъективность научного метода»⁹. В данном случае речь идет не просто о критике со стороны других ученых, создающих своеобразную конкурентную среду, где выдвинутая теория (гипотеза) должна доказать свою истинность. Социальный аспект научного метода, по Попперу, состоит в возможности пересмотреть донаучные, мировоззренческие (т.е. метафизические) предпосылки научного знания, которые принимаются научной средой без доказательств. Здесь опять идет отсылка к метафизике как необходимому условию научного познания, но с той поправкой, что данные метафизические установки следует постоянно пересматривать. В качестве примера Поппер приводит теорию относительности Эйнштейна, который пересмотрел не саму ньютоновскую механику, а ее мировоззренческие основания. Иначе говоря, социальная природа научного метода состоит в том, что он предопределен мировоззренческими (метафизическими) установками, формируемыми социальной (в т.ч. научной) средой. «Следует признать, что в каждый момент времени наши научные теории зависят не только от экспериментов и т.п., проведенных к этому моменту, но также от предпосылок, которые мы принимаем без доказательств, т.е. принимаем, не осознавая их... Однако, глядя на этот твердый слой предубеждений, мы можем сказать, что наука способна изучать и разбивать некоторые из своих панцирей. Процесс этот никогда не может быть завершен, но не существует и никакого определенного

⁴ Поппер К.Р. Указ. соч. С. 323.

⁵ Там же. С. 332.

⁶ Там же. С. 120.

⁷ Там же. С. 126.

⁸ Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992. С. 300.

⁹ Там же. С. 251.

барьера, перед которым он должен резко остановиться. Любое допущение в принципе может быть подвергнуто критике. Научная же объективность состоит в том, что критиковать может каждый»¹⁰. Поппер специально оговаривает, что метод фальсификации не ведет к релятивизму, «если утверждение истинно, оно истинно всегда»¹¹. Истина относительна только в том отношении, что она является одним из этапов бесконечного процесса познания. «Это значит, что большинство научных результатов имеют характер гипотез, т.е. утверждений, доказательство которых не могут быть окончательными и которые поэтому могут быть пересмотрены в любое время»¹².

Определившись со своим пониманием социальной природы научного метода, Поппер предпринял атаку на широкий круг авторов (от Аристотеля и Гегеля до Маркса, Шелера и Манхейма), объединенных, с его точки зрения, «теорией социальной детерминации научного знания». Ставя в один логический ряд таких очень разных авторов (по философским и социологическим взглядам), он, конечно, намеренно огрубляет их методологические установки, чтобы создать некую общую картину. Она зачастую весьма далека от оригинала, но здесь важно понять концепцию самого Поппера. Все критикуемые персоналии, по его мнению, являются представителями т.н. социологии знания, «социологизма», согласно которому наука (особенно социальная наука) в значительной мере обусловлена социальной средой. Методологические и ценностные установки исследователя формируются социальной средой, о чем он может и не догадываться. Идеи могут представляться ему как самоочевидные, не требующие проверки. Поскольку культурно-исторические условия, где формируется наука, весьма различны, представления ученых также могут весьма различаться. Такое положение дел ведет к тому, что между научными взглядами, школами, сформированными в разных социальных средах, возводится стена, между ними невозможен никакой компромисс. Социология знания называет научное знание, одновременно определяемое и разделяемое социальной средой, тотальной идеологией.

Согласно Попперу, социология знания есть гегельянская версия кантовской теории познания. В истории философии, полагает он, выделяются две разновидности теории познания: пассивная и активная. Первая представлена эмпириками до Юма включительно. Ее суть в том, что знания формируются в человеке посредством ощущений, которые естественным образом, сами собой, без активного

вмешательства субъекта трансформируются в представления. Поскольку логические ошибки здесь возникают из-за вмешательства субъекта, лучший способ их избежать — оставаться совершенно пассивным. Активная теория познания связывается с Кантом, для которого знание есть результат творческой деятельности человеческого разума. Важная особенность кантовской гносеологии — попытка создать универсальный понятийный аппарат, неизменный и истинный независимо от культурно-исторических условий. По Попперу, Гегель — также сторонник активной роли разума — отверг идею универсализма научного знания, связав его с «духом нации»: всякая истина относительна, поскольку всегда соответствует конкретно-исторической ступени в развитии общественного сознания. Маркс также отказался от универсализма в пользу классового сознания: представления только в той мере истинны, в какой отвечают борьбе пролетариата за социализм. И Гегель, и Маркс сознавали односторонность, субъективизм знания, связанного либо с национальным духом, либо с классовым сознанием пролетариата, что заставило обоих искать средство достижения большей объективности. Таким средством, считает Поппер, стал «социоанализ», т.е. методология, нацеленная на изучение механизма получения знания путем переработки духовного материала той или иной культурно-исторической среды. Социоанализ, применяемый социологией знания, становится также и своеобразной психотерапией, позволяющей восстанавливать психологическое равновесие, нарушенное неразрешимыми логическими противоречиями. На самом деле, констатирует Поппер, социоанализ не способен достичь объективности. Сама социология знания неспособна понять социальную природу научного метода, поскольку отрывает механизм формирования знания у отдельного ученого от социальной среды. Согласно логике Поппера, здесь речь идет о том, что рассмотрение сферы сознания как относительно самостоятельной ведет к односторонности, субъективизму. Социология знания, развивая он свою мысль, надеется реформировать социальные науки, заставив ученых для ликвидации предубеждений сознательно воспринимать силы, действующие в обществе, и те идеологии, с которыми эти силы сочетаются на уровне бессознательного. Но полное избавление от предубеждений (при помощи социоанализа), по Попперу, невозможно. Социологические, психологические или антропологические исследования не помогут избавиться от предубеждений. Самоанализ (социоанализ, психоанализ) не только не ведет к преодолению бессознательных детерминант наших воззрений, но, напротив, приводит к более тонкому самообману. В качестве примера приводится известный тезис, идущий от Спинозы, о свободе как познанной необходимости.

¹⁰ Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2. С. 255–265.

¹¹ Там же. С. 256.

¹² Там же.

Поппер считает его реакционным предубеждением, ведущим к социальной пассивности: если принимать данный тезис за истинный, социальный прогресс был бы невозможен, общество до настоящего времени было бы поделено на рабов и господ.

Кантианцы и гегельянцы, утверждает Поппер, исходят из допущения, что предпосылки научного исследования (теория) не могут ни изменяться по решению людей, ни отвергаться посредством эксперимента, что они сами находятся над и вне научных методов проверки теорий. Такое допущение, с его точки зрения, основано на непонимании отношений между теорией и опытом (практикой). Социологизм убежден, что методологические трудности социальных наук связаны с тем, что в них слишком переплетены теория и практика, рациональное и иррациональное. Поппер считает данный аргумент несостоятельным, поскольку естественные и технические науки встречаются с теми же проблемами. Для настоящего ученого тесный контакт с реальностью необходим. «Практическое применение наших открытий есть, таким образом, средство, с помощью которого мы можем устранить иррационализм из социальной науки»¹³.

Главный вывод Поппера относительно социологии знания таков: страх перед изменениями заставил мыслителей, историков, социологов создать концепции, нацеленные на подчинение этих изменений рациональному контролю: если изменение не может быть остановлено, рассуждали они, оно должно быть по крайней мере планируемо и контролируемо государством, для чего власть государства должна быть существенно расширена.

Социальные науки, убежден Поппер, могут быть реформированы только благодаря методу фальсификации, методу «проб и ошибок», методу выдвижения гипотез и их проверки на практике. «Необходима такая социальная технология, достижения которой могут быть проверены с помощью постепенной или поэтапной социальной инженерии»¹⁴.

Поппер, конечно, глубоко прав, утверждая, что исходной предпосылкой любого научного исследования является метафизика. Мир непознанного бесконечен, он подобен космосу, в крошечной тьме которого кое-где возникают крохотные проблески познания, дающего знание о действительности. Познание действует по принципу ядерного взрыва: каждое новое открытие рождает десятки и сотни новых проблем, что свидетельствует не о безграничных возможностях человеческого разума, а о бездонной тьме нашего незнания. Чем больше мы узнаем о мире, тем более он представляется нам загадочным. В этих условиях метафизика становится необходимой

и неизбежной основой, своего рода средой познания. В классической европейской философии под метафизикой обычно понимали философию, опирающуюся на признание сверхприродных принципов бытия. По распространенной классификации такая философия — идеализм того или иного вида. Вместе с тем распространена точка зрения, согласно которой материализм также является разновидностью метафизики: поскольку доказать первичность материи и смертность человеческой души не представляется возможным, данный тезис можно принимать только в виде гипотезы, т.е. на веру. Материализм в своих исходных мировоззренческих посылах — типичная метафизика. Метафизика неизбежна и необходима потому, что человек нуждается в смысловой картине мира, а получить ее он способен, только опираясь на допущения, гипотезы. Метафизика компенсирует отсутствие знаний о мире при помощи умозрительных конструкций, позволяющих на основе известных фактов создать целостную картину бытия. Поппер прав в том, что познание (научное и философское) строится не по предметному принципу, а по проблемному: та или иная философская или научная дисциплина возникает не потому, что выделяется предмет исследования, а вследствие поставленной человеком проблемы, которую надо решить. Метафизика и есть предельно обобщенный способ постановки проблемы, в рамках которой решаются проблемы более частного порядка.

Поппер в духе позитивистской традиции выступает за единство науки. Различая науки естественные, технические и социальные, он тем не менее представляет дело так, будто между ними нет и не должно быть принципиальных различий. Поппер отдает отчет, что социальная наука страдает заметными изъянами по сравнению с естествознанием (отсутствие необходимой точности, строгости), но считает это преходящим явлением. Социальная наука, полагает он, должна изжить свои недостатки и максимально приблизиться к математике и естествознанию. Сциентистская традиция, которой придерживается Поппер, берет свое начало в эпоху Просвещения и достигает апогея в «первом позитивизме» О. Конта, Г. Спенсера и Дж. Ст. Милля. Контовская классификация наук предложила смотреть на социальный мир как часть мироздания, развивающегося по единым законам. Законы, открытые математикой, астрономией, физикой, химией и физиологией, в полной мере распространяют свое действие, по мысли Конта, на жизнь общества. Данный подход должен был радикально реформировать обществоведение и сделать его подлинной наукой. Такой «подлинной» обществоведческой наукой стала социология, которая за несколько десятков лет приобрела огромную популярность. Однако уже на рубеже XIX–XX вв. стало очевидно, что социология (особенно в форме

¹³ Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2. С. 257.

¹⁴ Там же.

органицизма) страдает хроническими для обществоведения недостатками (приблизительность знания, неспособность дать прогноз). Ситуация с пониманием специфики социальных наук заметно меняется с появлением баденской школы неокантианства (В. Виндельбанд, Г. Риккерт), которая предложила деление на «науки о природе» и «науки о культуре». В качестве критерия был положен метод исследования: генерализирующий и индивидуализирующий. Первый выявлял законы (в естествознании), второй описывал явления (прежде всего в истории). Социология была отнесена к генерализирующей науке, что выглядело, конечно, неоправданным авансом. Во всяком случае четко и внятно было объяснено, что социальная наука принципиально отличается от математики, естествознания и техники, группировка изучаемых ею фактов зависит не от объективных критериев, а от ценностных (т.е. глубоко субъективных) установок исследователя. В этом случае истина в социальной науке объявлялась принципиально относительной, субъективной. После открытий, сделанных баденской школой, сциентистская установка в социальной науке, характерной для «первого позитивизма», представляется как анахронизм, который должен быть окончательно изжит. Особенно это стало понятно в XX в., когда тоталитарные диктатуры, созданные по лекалам обществоведов, полностью дискредитировали прогностические возможности социальной науки. Поппер, призывая к реформированию социальной науки с целью сделать ее подобной естествознанию, выглядит безнадежным романтиком, как будто только что вернувшимся из XVII или XVIII в. Его установка на реабилитацию метафизики привносит здоровый реализм в понимание специфики обществоведения, но общий сциентистский пафос от этого не исчезает, неоправданный оптимизм относительно возможного реформирования социальной науки остается.

Поппер справедливо говорит о существовании активного познания (его представители — Кант, Гегель, Маркс): познающий субъект, отбирая факты и давая им свое объяснение, формирует свою субъективную картину мира, которая может в большей или меньшей степени приближаться к истине. Поппер доказывает существование активного познания, как правило, на примере естествознания, но в социальных науках (особенно в истории) активность познания — вещь почти очевидная. Как верно указала баденская школа неокантианства, активность познающего субъекта состоит в том, что он не просто описывает явления культуры, но осмысливает их с позиции своих ценностных установок. Одни и те же факты истории и современности могут подаваться в контексте разных смысловых моделей, что предопределяет относительность истины и ставит непроходимую преграду между теориями и школами.

Как утверждали правые гегельянцы (например, идеолог итальянского фашизма Дж. Джентиле), исторического прошлого не существует вне сознания познающего субъекта, историк не отображает действительную картину прошлого, а заново творит ее в собственном воображении. Задолго до него народник П.Л. Лавров, стремясь обосновать роль интеллигенции в качестве основной движущей силы русского революционного движения, фактически выступил за отождествление познающего сознания и познаваемой реальности. Согласно его логике выходило, что социальная действительность такова, какой ее видит человек. Критически мыслящие личности, т.е. русская революционная интеллигенция, распространяя свой политический идеал в обществе, меняют его сознание, а значит, и общественные отношения. Здесь активность сознания состоит не только в том, что оно стимулирует соответствующее поведение, но и в том, что оно способно менять смысл известных фактов действительности. Люди выстраивают свои отношения так, как они им видятся, объективность их отношений, общественной практики в целом — всегда проекция их сознания.

Субъективизм и относительность знаний социальной науки предопределены также тем, что она в полной мере зависит от культурно-исторических условий, при которых существует и развивается. Как верно отмечает сам Поппер, социальная наука не делает открытий, она лишь обобщает социальный опыт и совершенствует его. Поппер ставит в вину Гегелю и Марксу, что они отошли от универсального научного аппарата, созданного Кантом, и предложили свой, тесно связанный с культурно-историческими условиями. Категории их социальных доктрин, полагает Поппер, отражают не социальную реальность, а субъективные установки той среды, где они формируются и чьи интересы выражают. На самом деле в социальной науке имеет место некий компромисс: ее категории отчасти универсальны, отчасти несут на себе опечаток времени и среды. Так называемый прогресс в социальной науке есть не столько углубление уровня понимания социальных явлений, сколько отражение меняющейся реальности: меняется реальность, усложняется и дифференцируется общественная жизнь — меняется и наука, которая фиксирует и анализирует социальные явления в меняющихся исторических условиях. Базовые, наиболее общие положения о человеке, обществе, государстве, праве были высказаны еще в античности, до настоящего времени они не устарели, в дальнейшем социальная наука и философия лишь наращивают свой объем знаний. В этом отношении социальная наука и философия в каждой новой исторической эпохе каждой отдельной страны есть, как правило, набор категорий и положений, отражающих корпоративный дух конкретно-исторической национальной исследовательской среды,

ее некую конвенцию. Пересмотр данной конвенции другими поколениями ученых — факт не столько прогресса науки, сколько изменений культурно-исторических условий.

Поппер прав, что ставит вопрос о социальной природе науки. Наука — не просто совокупность знаний о мире, адекватно его отражающих, наука — производное человека и его свойств (сознания, познания, психологии, физиологии), сфера его деятельности. Наука в значительной мере антропоморфна, на что и обращает внимание Поппер своей теорией фальсификации. Действительно, социальная среда формирует мифологию (метафизику), являющуюся предварительным условием любого научного творчества. Поппер, исходя из единства наук (естественных, технических и социальных), сетует на то, что социальная наука до настоящего времени не приобрела еще полностью социального характера, т.е. не в полной мере способна применять метод фальсификации. В этой связи разворачивается его полемика с представителями «социологизма», прежде всего с Марксом. Последний справедливо утверждал, что социальная наука, поскольку она всегда выражает чей-то интерес, по большей части представляет собой идеологию, ложное сознание. Задача идеологии — не поиск истины, а стремление отстоять свой интерес. Отсюда, по Марксу, вытекает необходимость преодолеть идеологию, посмотреть на мир общественных отношений прямо и без иллюзий, т.е. с позиции строгой науки. Одна из граней данного процесса — установление характера взаимодействия теории и практики. Согласно Попперу, проблема соотношения теории и опыта в естествознании и обществоведении стоит одинаковым образом. Маркс смотрит на это иначе. Марксизм изначально выступал за единство теории и практики, что внешне вроде бы соответствовало подлинным научным критериям. Действительно, наука, изучая социальные явления, открывает действующие в них законы и предлагает обществу брать их на вооружение, чтобы уже сознательно применять на практике. Вместе с тем Маркс, стремясь изжить идеологию, одновременно делает ее своей методологической установкой: научный социализм, по его мысли, раскрывая ход мировой истории по направлению к коммунизму, выражает интересы пролетариата, а вместе с ним — всего человечества. Здесь наука намеренно объединяется с идеологией

(т.е. с метафизикой), что, очевидно, ставит предел ее строгости и адекватности. Маркс, отождествляя идеологию и науку, намерен достичь объективности последней, но фактически таким подходом ее исключает. Классовый подход делает социальную науку односторонней, субъективной, вносит раскол в социальную науку, против чего выступает Поппер. Марксистская методология демонстрирует общий изъян социальной науки, но Маркс возводит данный изъян в принцип познания. Единство социальной науки и практики состоит в том, что социальная наука, обобщая практику и переводя ее в разряд логики, включает в себя идеологический и ценностный компоненты в качестве ее органических частей. Маркс и Поппер, так или иначе, признают этот факт, но мотивы и способы его обоснования у них разные. Маркс считает идеологию (метафизику) ложным сознанием и требует ее изжить до конца. Поппер видит в этом методологическую ошибку, т.к. метафизика, с его точки зрения, неизбежна и неизживаема. Маркс фактически вводит идеологию (метафизику) в социальную науку в качестве необходимого компонента, Поппер делает то же. По Марксу, наука открывает социальные законы и ставит их на службу пролетариату (а с ним всему человечеству), по Попперу, социальная наука должна открывать законы и заниматься социальной инженерией, но классовый подход в ней должен быть исключен. Подлинная наука, полагает Поппер, должна не разъединять ученых и общество, а объединять.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992. С. 251, 255–265, 300.
2. *Поппер К.Р.* Предположения и опровержения. Рост научного знания. М., 2008. С. 120, 126, 317, 321, 323, 332.

REFERENCES

1. *Popper K.R.* Open society and its enemies. Vol. 2. M., 1992. P. 251, 255–265, 300.
2. *Popper K.R.* Assumptions and refutations. Growth of scientific knowledge. M., 2008. P. 120, 126, 317, 321, 323, 332.

Сведения об авторе

ЖУКОВ Вячеслав Николаевич — доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус)

Authors' information

ZHUKOV Vyacheslav N. — Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of theory of state and law and political science of the faculty of law at Lomonosov Moscow state University; 1 Leninskie Gory, building 13 (4th academic building), 119991 Moscow, Russia